

УДК 316.42(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121

Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России *

© **КОРЧАК Елена Анатольевна**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия

Аннотация. Ключевую роль в экономике России и обеспечении национальной безопасности страны играют её арктические территории, обладающие колоссальным природным потенциалом, интенсивное и целенаправленное освоение и заселение которых проводилось в советский период: мотивационная составляющая советской пропаганды освоения арктических территорий была направлена на привлечение квалифицированных кадров. Рыночные преобразования в конце XX в. привели к резкому ухудшению социально-экономической ситуации в стране. Конечным результатом таких преобразований стали свёртывание программ социально-экономического развития арктических территорий и, как следствие, масштабный миграционный отток населения. Для современной социально-экономической ситуации на арктических территориях характерной остаётся миграционная убыль населения, влияние на которую оказывает снижение экономической привлекательности жизнедеятельности, продуцирующее, в свою очередь, проблему арктической безработицы. Очевидно, что деструктивные процессы в социально-экономическом развитии арктических территорий определяют разноплановый характер угроз стабильному развитию современной Арктической зоны России. Важным аспектом в процессе конструирования новых концептуальных подходов в формировании научно-практической проблематики развития арктических территорий является анализ долгосрочной динамики социального пространства современной Арктической зоны России. Цель исследования состояла в анализе динамики социального пространства арктических территорий России в 1950–2018 гг. В результате исследования выявлено, что трансформации в долгосрочной динамике социального пространства современной Арктической зоны России определялись интенсивностью промышленного освоения арктических территорий, масштабами государственной поддержки и долговременными интересами национальной экономики.

Ключевые слова: Арктическая зона, безработица, бедность, управление, уровень жизни, концепция, социальное развитие, долгосрочная динамика.

The Arctic territories of Russia: long-term dynamics of the social space

© **Elena A. KORCHAK**, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia

Abstract. The Russian Arctic was explored and populated rigorously and purposefully during the Soviet period. The settling pattern was then based on the industrial capabilities of the Arctic areas (mineral deposits), considering the need to develop relevant transport infrastructure. The incentive component

* Для цитирования:

Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121.

For citation:

Korchak E.A. The Arctic territories of Russia: long-term dynamics of the social space. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121.

of the Soviet propaganda of Arctic development was aimed at mobilizing the skilled workforce. The market transformation in the late 20th century caused a rapid deterioration in the social and economic situation nation-wide: the state abandoned protectionism of the Arctic territories so that state-provided preferences were significantly reduced. Such transformations eventually entailed the reduction of social and economic services and a large-scale migration outflow in the Arctic territories. The current social and economic situation in the Arctic is still characterized by a negative migration balance, which determines a decline in the level of labor force participation. The negative migration balance is attributable to the lower economic attractiveness of the region, which again brings about the issue of unemployment in the Arctic. Destructive processes in the social and economic development of the Russian Arctic shape multi-faceted threats to its stable evolution. Thus, the analysis of the long-term pattern of the social space in the Russian Arctic is an essential aspect of new emerging conceptual approaches towards research and practical plan for Arctic development. The purpose of the survey was to review the pattern of the social space in the modern Russian Arctic territories between 1950 and 2018, with one of its objectives being the analysis of its social development stages based on historiographic, problematic / chronological, retrospective and comparative-historical methods. The survey shows that transformations in the consistent long-term pattern of the social space in the modern Russian Arctic are determined by the intensity of its industrial development, the scale of government support, and the long-term interests of the national economy.

Keywords: *Russian Arctic, unemployment, poverty, management, standard of living, concept, social development, long-term dynamics.*

Введение

Сегодня в России европейскую часть Арктической зоны образуют Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Беломорский, Лоухский и Кемский муниципальные районы Республики Карелия, г. Воркута Республики Коми, гг. Архангельск, Новодвинск, Северодвинск, Новая Земля, Онежский, Приморский, Мезенский муниципальные районы Архангельской области [1, Каторин И.В., с. 31–32]. Основу промышленной специализации Мурманской области составляет производство апатитового, нефелинового и бадделеитового концентратов, добыча никеля и железорудного концентрата, рафинированной меди. На территории Ненецкого автономного округа располагается северная часть Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции; на территорию тундры приходится значительный объём твёрдых полезных ископаемых (угля, марганцевых руд, руд редких, благородных и цветных металлов, горнотехнического сырья, флюорита) [2, Григорьев Г.А., Мотрук В.Д., с. 1–2]. В арктической зоне Республики Карелия расположены месторождения природного облицовочного и строительного камня, дефицитные металлические и неметаллические полезные ископаемые, платиносодержащие рудопроявления, рудопроявления апатит-карбонатитановых руд, крупная залежь глин и крупнейшее месторождение полудрагоценного камня альмандин [3, Щипцов В.В., Иващенко В.И., с. 7–8]. Воркута располагает значительным минерально-сырьевым потенциалом и является крупнейшей сырьевой базой для металлургической, энергетической и коксохимической промышленности. Здесь выявлено более 30 месторождений угля, расположены карбонатное и глинистое сырьё, песчано-гравийные смеси, промышленные запасы песка, уникальные месторождения высококачественных баритов, проявления золота и хромитов, меди, марганца, фосфоритов, свинца и цинка, серных колчеданов, железных руд, никеля

[4, Кузнецов С.К., Тимонина Н.Н., Кузнецов Д.С., с. 31–35]. Ресурсы арктических территорий Архангельской области составляют алмазные и бокситовые месторождения, газ, нефть, строительные материалы.

Азиатскую часть современной Арктической зоны России образуют Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, г. Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район и Туруханский район Красноярского края, а также арктические районы (улусы) Республика Саха (Якутия) [5, Davydova M.L., Epifanov A.Y., Sharno O.I., Vanicheva M.N., с. 3]. Ямало-Ненецкий автономный округ — крупнейший поставщик углеводородного сырья на внутреннем рынке и на рынках Восточной и Западной Европы. Промышленные зоны Чукотского автономного округа включают освоение месторождений каменного угля, нефти и газа, золота, олова и меди; здесь размещены ресурсы металлов платиновой группы. Базу сырьевых ресурсов арктических территорий Красноярского края [6, Dobretsov N.L., Pokhilenko N.P., с. 98–100] составляют запасы каменного угля, нефти, газа, золота, молибдена, меди, титана, полиметаллов, железа, тантало-ниобатов, золота. Арктические территории Республики Саха (Якутия) включают перспективные площади углеводородного сырья, угля, запасов золота, серебра и олова, уникальные месторождения алмазов и ниобий-редкометальное месторождение [7, Слепцов А.Н., с. 119–120].

Среди отличий европейской и азиатской Арктики России можно назвать следующие. Площадь азиатской Арктики превышает площадь европейской в 5,5 раза, при этом численность населения азиатских арктических территорий меньше европейских почти в 2 раза (плотность населения азиатской Арктики составляет 8,9 чел. на кв. км, европейской — 311,9 чел. на кв. км)¹. Население азиатской части российской Арктики 13,7% составляют коренные малочисленные народы (ненцы, ханты, манси, эвенки, чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, юкагиры, коряки, керекы, долганы, кеты, нганасаны, селькупы, энцы, чулымцы), европейской — 0,6% (саамы)². В отличие от европейской части Арктической зоны России, для азиатской характерна низкая степень равномерности размещения населения (этот сектор российской Арктики менее обжитый). Для азиатской части российской Арктики также характерны особо экстремальные климатические характеристики и обусловленная значительной территориальной протяжённостью низкая степень транспортной доступности.

Согласно современным концептуальным основам государственной арктической политики России, Арктическая зона страны составляет стратегический национальный приоритет [8, Корчак Е.А., с. 8; 9, Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F., с. 29] — платформу для размещения производительных сил. При этом усилия государства здесь

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

² Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). URL: <http://www.raipon.info/activity/pravovaia-deiatelnost/federal-legislation/on-approval-of-the-list-of-indigenous-small-numbered-peoples-of-the-north-siberia-and-far-east-of-th.php> (дата обращения: 12.12.2019).

направлены лишь на создание основных фондов [10, Samarina V., Korchak E., Skufina T., Samarin A., с. 394–396; 11, Крапивин Д.С., с. 132], необходимой инфраструктуры, обслуживающих комплексов, систем жизнеобеспечения для рабочей силы и так далее. В качестве одного из результирующих показателей такого управления обозначено увеличение темпов роста производительности труда, несмотря на то, что при незначительной численности населения арктические территории страны вносят значительный вклад в валовой региональный продукт [12, Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E., с. 69–70]. Например, при численности населения в 1,64% населения страны, совокупная доля произведённого валового регионального продукта Мурманской области, Ямало-Ненецкого, Чукотского и Ненецкого автономных округов в суммарном валовом региональном продукте страны составляет более 5% (2017 г.)³.

Стратегическое значение арктических территорий России актуализирует необходимость разработки новых подходов в формировании научно-практической проблематики арктического развития [13, Leksin V.N., Porfiryev B.N., с. 515] и методологии научных исследований для трансформации системы государственного регулирования развития Арктической зоны [14, Andreeva E.N., с. 237]. Важным аспектом при этом является анализ долгосрочной [15, Khoreva O., с. 324] динамики социального пространства арктических территорий, вошедших в состав современной Арктической зоны России.

Объектом настоящего исследования стало социальное пространство — трансформационные процессы⁴ в «междисциплинарной модели Арктической зоны России» [16, Лукин Ю.Ф., с. 59; 17, Пешина Э.В., Захаров А.С., с. 10–110], сухопутные территории которой определены соответствующим Указом Президента РФ⁵: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Мурманская область, а также арктические муниципальные образования Республики Саха (Якутия), Архангельской области, Республики Карелия, Красноярского края, Республики Коми.

Динамика социального пространства арктических территорий России в 1950–2017 гг.

В 1950-е гг. в СССР начала формироваться Концепция развития Севера как единого экономического и административного региона. Её отличием от предыдущего комплекса взглядов на освоение Арктики (30–50-е гг. прошлого века) стало научное обоснование особого положения, уникальности Севера, при котором освоение арктических ресурсов стало важнейшим условием непрерывного роста производительных сил страны [18, Калеменева Е.А., с. 184–186; 19, Славин С.В., Догаев Ю.М., с. 6–8]. Одной из основных целей

³ Расчётные данные автора. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Социальное пространство российских регионов: монография / отв. ред. З. Т. Голенкова; Институт социологии РАН. Москва: ИС РАН, 2017. 193 с.

⁵ Указ Президента РФ от 02.05.2014 №296 (ред. от 13.05.2019) «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

в сфере экономического развития страны за счёт эксплуатации ресурсной базы арктических территорий стало формирование здесь постоянного населения (табл. 1).

В противовес довоенному периоду, когда освоение арктических территорий страны осуществлялось лагерным способом, в 50-е гг. прошлого века активизировалось обусловленное интенсивностью промышленного освоения миграционное движение, в результате которого формировалось постоянное приживающееся арктическое население [20, Михайлов Е.И.]. Например, в Мурманской области создание в 1951–1955 гг. новых железорудной, алюминиевой и редкометаллической отраслей промышленности вызвало максимальный приток мигрантов (миграционный прирост составил 103 тыс. чел.).

Таблица 1

Численность населения арктических территорий России, 1950 г., 1960 г., 1970 г., 1980 г., 1990 г., 1995 г., 2000 г., 2005 г., 2010 г., 2015 г., 2019 г., тыс. чел. ⁶

Регион	1950	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Ненецкий автономный округ	Н. д.	37	39	47	52	44	41	42	42	43	44
Мурманская область	337	606	799	665	1191	1067	941	857	800	766	748
Ямало-Ненецкий автономный округ	Н. д.	64	80	158	489	478	496	515	524	540	541
Чукотский автономный округ	Н. д.	47	101	133	162	96	62	51	49	51	50

В 1955–1985 гг. в Мурманской области плотность населения увеличилась с 3,3 чел. на кв. км до 7,6 чел. на кв. км (число городов выросло с 6 до 11) ⁷. Численность городского населения г. Северодвинска (Архангельская область) в 1970 г. составила 144,5 тыс. чел. против 78,6 тыс. чел. в 1959 г.; г. Заполярном (Мурманская область) — 22,1 тыс. чел. и 6,2 тыс. чел. соответственно ⁸. Самая многочисленная группа прибывающих мигрантов — население в возрасте 20–24 лет ⁹.

Большая доля населения сосредотачивалась в промышленных узлах (например, Кировский, Мончегорский, Оленегорский, Ловозерский районы Мурманской области), где профилирующими являлись промышленные предприятия (в Мурманской области — предприятия горнопромышленного комплекса). Так, в 80-х гг. прошлого века более 35% промышленно-производственных рабочих Кольского Заполярья были заняты на предприятиях Кольского горнопромышленного комплекса ¹⁰.

Положительной в процессах социально-экономического развития арктических территорий этого периода стала тенденция повышения образовательного уровня населения. Так, в 1959 г. на 1 000 чел. занятого населения Мурманской области приходилось 34 чел. с высшим образованием, в 1989 г. — 167 чел. [21, Скуфына Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В., с. 21].

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁷ Социально-экономическое развитие Мурманской области в переходный период: современное состояние и прогнозы / Под ред. Г.П. Лузина. Апатиты, изд. Кольского научного центра РАН, 1992, 218 с.

⁸ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁹ Социально-экономическое развитие Мурманской области в переходный период: современное состояние и прогнозы / Под ред. Г.П. Лузина. Апатиты, изд. Кольского научного центра РАН, 1992, 218 с.

¹⁰ Там же.

Открытие запасов углеводородного сырья на северных территориях Западной Сибири в 60–80-е гг. XX в. обусловило здесь создание нефтегазодобывающего комплекса и, соответственно, повлекло активное социальное освоение таких территорий. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе численность населения увеличилась с 64 тыс. чел. до 158 тыс. чел.¹¹

В 90-е гг. прошлого века сложилась современная сеть поселений [22, Корнилов Г.Е., с. 136–138] Азиатской части российской Арктики (табл. 2). В 1984 г. появился г. Муравленко, история которого тесно связана с образованным в 1982 г. для обеспечения ускоренного ввода в разработку Суторминского и Муравленского нефтяных месторождений нефтегазодобывающего управления Суторминскнефть. В 1986 г. вырос г. Губкинский; основные предприятия города, ведущие добычу природного газа, — ООО «РН — Пурнефтегаз» и обособленные подразделения Комсомольский и Губкинский газовые промыслы ООО «Газпром добыча Ноябрьск».

Таблица 2

Численность населения промышленных городов Ямало-Ненецкого автономного округа, 1989 г., 2000 г., 2008 г., 2018 г., тыс. чел.¹²

Город	Год основания	1989	2000	2008	2018
Новый Уренгой	1975	93,2	89,2	118,4	114,8
Ноябрьск	1975	85,9	96,4	110,4	106,9
Муравленко	1984	23,1	36,2	37,1	32,4
Губкинский	1986	9,7	19,2	22,7	27,9

Среди особенностей демографической ситуации в этот период основными стали ниже среднего по стране уровень смертности и выше среднего уровень естественного прироста [21, Скуфьина Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В., с. 22–23]. Молодая структура населения обусловила на арктических территориях самые низкие, в сравнении с национальным уровнем, показатели смертности населения. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе общий коэффициент смертности в 1987 г. составлял 2,9‰, в Чукотском автономном округе — 3,1‰, в Ненецком автономном округе — 5,6‰, в Мурманской области — 5,7‰ при среднем по стране уровне в 10,5‰. Уровень естественного прироста населения в 1987 г. в среднем по стране составлял 6,6‰, в Мурманской области — 10,1‰, Чукотском автономном округе — 14,4‰, Ненецком автономном округе — 15,8‰, Ямало-Ненецком автономном округе — 19,4‰ [21, Скуфьина Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В., с. 22–23]. Одним из важнейших достижений в демографическом развитии Арктической зоны стала положительная тенденция изменения ожидаемой продолжительности жизни. Так, в 1979–1989 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни мужчин в Мурманской области увеличилась на 3,9 года¹³.

На интенсивность миграционного прироста населения в Арктическую зону особое влияние в эти годы оказало постоянно актуализируемое законодательство о северных пре-

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹² Составлено автором. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹³ Социально-экономическое развитие Мурманской области в переходный период: современное состояние и прогнозы / Под ред. Г.П. Лузина. Апатиты, изд. Кольского научного центра РАН, 1992, 218 с.

ференциях. Оно устанавливало основные и дополнительные гарантии и компенсации работающему населению: надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, исчисление в повышенном размере стажа, дающего право на получение пенсии по старости и так далее. Благодаря государственному протекционизму в сфере социально-трудовых отношений на Севере среднемесячная заработная плата в среднем по арктическим территориям в 1,8 раза превышала среднюю по стране. Например, в 1985 г. среднемесячная заработная плата на арктических территориях Тюменской области составляла 425 руб. при среднем уровне по региону в 338 руб., в Красноярском крае — 369 руб. и 243 руб. соответственно¹⁴.

Смена социалистической идеологии на рыночные рельсы развития привела к переводу арктических предприятий на самофинансирование, сокращению производства (рис. 1), дефицитности арктических местных бюджетов.

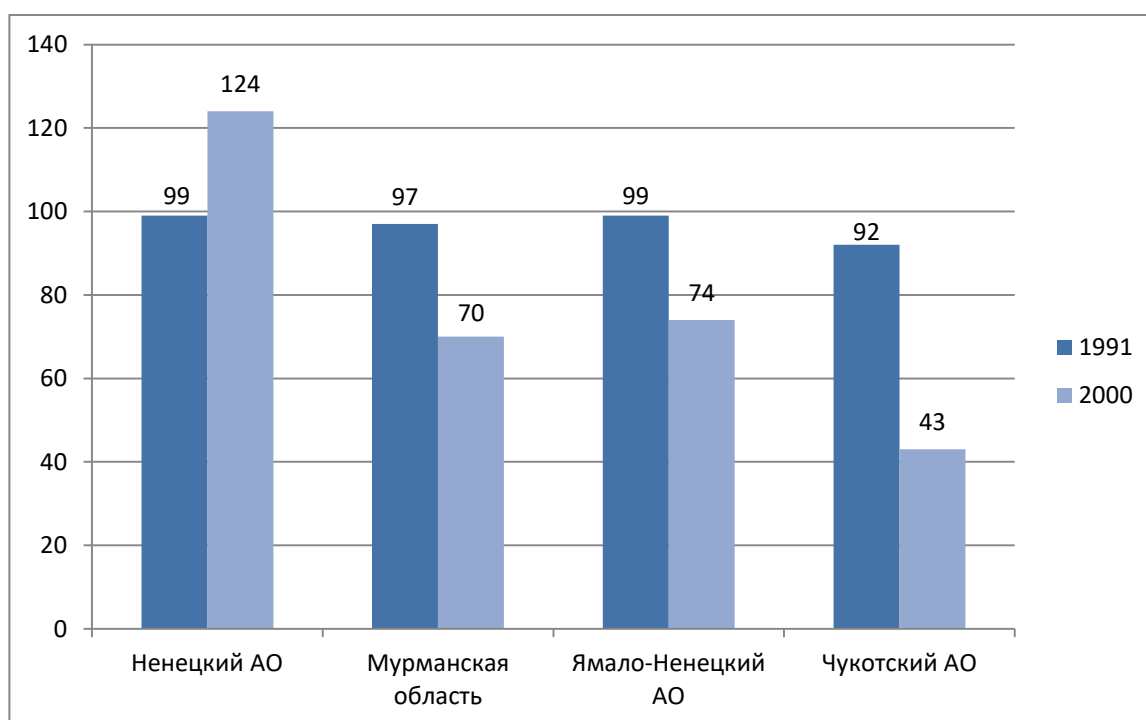

Рис. 1. Индексы производства промышленной продукции по регионам, полностью отнесённым к Арктической зоне России, 1991 г., 2000 г., % (1990 г. = 100%)¹⁵.

В результате, в 1990–1999-х гг. актуальной для арктических территорий России стала проблема стабилизации численности населения (табл. 1). В этот период обозначилась тенденция сокращения численности населения: в Чукотском автономном округе численность населения снизилась в 2 раза, в Мурманской области и в Ненецком автономном округе — в 0,8 раза.

Значительно сократилась численность населения в перспективных и наиболее благоустроенных городах (табл. 3) — в 1989–2002 гг. население г. Воркуте сократилось на 26,5%, в г. Кировске (Мурманской области) — на 27,3%, в г. Мурманске — на 28,2%.

¹⁴ Социально-экономическое развитие Мурманской области в переходный период: современное состояние и прогнозы / Под ред. Г.П. Лузина. Апатиты, изд. Кольского научного центра РАН, 1992, 218 с.

¹⁵ Актуальные проблемы Севера России: анализ и рекомендации (научно-аналитический доклад). Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2007. 150 с.

Начала формироваться тенденция естественной убыли населения: естественный прирост (на 1 000 чел. населения) в Чукотском автономном округе в 1999 г. составил 1,9‰ (в 1990 г. — 10,4‰), в Ненецком автономном округе — 1,8‰ (9,7‰), в Мурманской области — -2,5‰ (5,5‰) [21, Скуфьина Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В., с. 27]. В первую очередь, такая ситуация была обусловлена снижением рождаемости (вследствие снижения уровня материального благосостояния и доступности услуг в сфере дошкольного образования): в этот период показатели рождаемости на арктических территориях не превышали 50-процентный уровень простого воспроизводства.

Таблица 3

Численность населения арктических городов, 1959 г., 1989 г., 2002 г., 2009 г., 2018 г., тыс. чел.¹⁶

Город	1959	1989	2002	2009	2018
Мурманск	221,9	468,0	336,1	311,2	295,4
Кировск	39,0	43,5	31,6	30,1	26,6
Апатиты	13,9	88,0	64,4	61,6	55,7
Воркута	55,7	115,6	84,9	71,4	58,1
Норильск	109,4	174,7	134,8	203,9	181,4
Архангельск	256,3	415,9	356,0	348,3	349,7
Салехард	16,6	32,3	36,8	42,5	49,2
Нарьян-Мар	13,2	20,2	18,6	19,4	24,8
Анадырь	5,8	17,1	11,0	11,8	15,6

Актуализировалась проблема старения населения. На фоне снижения степени государственного протекционизма в сфере социального развития арктических территорий демографическая нагрузка трудоспособного населения лицами старше трудоспособного возраста увеличилась в 1,5 раза (в том числе в Мурманской области в 2,2 раза, в Чукотском автономном округе в 5,4 раза). В Ямало-Ненецком автономном округе средний размер пенсии в 1993 г. составил 25,9% от среднего размера среднемесячной заработной платы, являющейся основным источником доходов населения, в 2000 г. — 11,1%; в Мурманской области 50% и 26,8% соответственно¹⁷. Проживание значительного контингента граждан пожилого возраста для арктических территорий в силу снижения уровня территориального социально-экономического развития и падения уровня жизни стало экономически нецелесообразным, вызвало социальную напряжённость в обществе в целом и актуализировало необходимость срочных мер по переселению такой категории граждан из арктических городов.

Значительно возросла смертность населения (в Мурманской области — с 6‰ до 10,1‰, в Чукотском автономном округе — с 3,9‰ до 7,1‰ [21, Скуфьина Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В., с. 28]). Ухудшение динамики рождаемости и смертности негативно отразилось на средней продолжительности предстоящей жизни: проблемой демографического

¹⁶ Составлено автором. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹⁷ Расчётные данные автора. Источник: Отчёт о научно-исследовательской работе «Социальные процессы на Севере: регулирование в условиях рынка» №3-98-2006 // Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты. 1999. 72 с.

развития арктических территорий стало снижение ожидаемой продолжительности жизни.

Распад СССР, нестабильная экономическая ситуация, спад производства, рост дифференциации в оплате труда на предприятиях бюджетного и внебюджетного секторов экономики, рост безработицы и резкое повышение стоимости жизни привели к масштабному миграционному оттоку населения. Особенности социально-экономического развития арктических территорий России в 1990–1999 гг. стали обусловленная истощением источников сырья цикличность развития ресурсных территорий и появление депрессивных территорий с затухающим производством. Снижение экономической активности вызвало появление социальной напряжённости на арктических рынках труда, снижение уровня и качества жизни населения. «Привычным» явлением стала неполная занятость¹⁸: порядка 15% списочной численности работников по инициативе работодателей трудилось не полное время. Распространённой стала практика частичной или полной остановки производства и отправление работников в отпуска без сохранения заработной платы.

На фоне истощения возможностей для трудоустройства в государственном секторе экономики уровень безработицы значительно вырос. В Чукотском автономном округе безработица в этот период выросла в 4,6 раза, в Мурманской области — в 3 раза (по данным Мурманскстата¹⁹, уровень общей безработицы в регионе в 2000 г. составил 13,4% против 5,6% в 1994 г., регистрируемой — 3,6% и 1,8% соответственно). Рост нагрузки незанятого населения на одну заявленную вакансию в Ненецком автономном округе составил 7,9 раза, в Чукотском автономном округе — 5,8 раза²⁰. Такие особенности арктических рынков труда определялись воспроизводством в процессах формирования спроса и предложения на труд таких противоречий, как дисбалансы на арктических рынках труда и застойный долговременный характер безработицы. Например, в Мурманской области на многих промышленных предприятиях с середины 90-х гг. прошлого века порядка 40% высококвалифицированных специалистов занимали должности, не требующие такого образовательного уровня. В свою очередь, такие противоречия обуславливались деформированием состояния территориальных хозяйственных комплексов (массовой приватизацией и нарушением хозяйственных связей) и моноструктурным характером арктических поселений (акторами безработицы здесь являлись промышленные предприятия). На территориальных рынках труда сложились тенденции к его устойчивой сегментации — определились профессиональные группы риска, отличающиеся высоким уровнем безра-

¹⁸ Отчёт о научно-исследовательской работе «Социальные процессы на Севере: регулирование в условиях рынка» №3-98-2006 // Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты. 1999. 72 с.

¹⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁰ Расчётные данные. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

ботицы. Так, в Мурманской области в этот период почти в 4 раза снизилась численность занятых в строительстве (состояние сферы строительства является своеобразным индикатором конъюнктурной ситуации в хозяйственном комплексе: экономическое оживление начинается с увеличения заказов на строительные-монтажные работы)²¹.

Существенно вырос уровень дифференциации населения по доходам. Например, в Мурманской области величина заработной платы работников бюджетного сектора в 1996 г. была в 2 раза ниже средней заработной платы работников промышленности; в территориальном аспекте уровень дифференциации заработной платы достигал 2,5 раза. Повышенная за счёт северных надбавок заработная плата как основной стимул привлечения трудоспособного населения в Арктику утратила своё значение. Актуальной стала проблема бедности населения: в 1999 г. в Чукотском автономном округе доля населения со среднедушевыми денежными доходами в общей численности населения составила 55,7%, в Ненецком автономном округе — 50,2%, в Мурманской области — 21,3% (по данным Мурманскстата²², уровень бедности в регионе в 1994 г. составил 19,1%; коэффициент фондов — 7,4 против 10,9% в 1999 г.), в Ямало-Ненецком автономном округе — 13,3%²³. Наметилась тенденция роста уровня преступности (например, в 1991–1999 гг. в Мурманской области число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения выросло в 1,6 раза²⁴). Практически появилось «осознание» бесперспективности проживания: Арктику стали массово покидать родившиеся здесь молодые граждане трудоспособного и репродуктивного возраста. В частности, по данным социологических исследований²⁵, в Мурманской области большая часть населения в 1997 г. была ориентирована на переезд за пределы региона (по данным Мурманскстата²⁶, миграционный прирост в 1989 г. составил 0,4‰, в 2000 г. миграционная убыль населения составила -16,5‰).

Следующий этап развития современной Арктической зоны России (2000–2008 гг.) был обусловлен необходимостью формирования внутренних факторов экономического развития таких территорий и достижения на этой основе их собственного устойчивого сбалансированного развития. Данный этап был ознаменован разработкой Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера. Концепцией было, в частности, предусмотрено создание условий для саморазвития арктических территорий на основе повышения роли и конкурентоспособности местных гра-

²¹ Отчёт о научно-исследовательской работе «Социальные процессы на Севере: регулирование в условиях рынка» №3-98-2006 // Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты. 1999. 72 с.

²² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

²³ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁵ Отчёт о научно-исследовательской работе «Социальные процессы на Севере: регулирование в условиях рынка» №3-98-2006 // Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты. 1999. 72 с.

²⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

дообразующих предприятий, а также рационализация структуры занятости и численности населения за счёт государственного воздействия на миграционные потоки.

Реализация Концепции планировалась в три этапа ²⁷:

- 1) 2000–2003 гг. — стабилизация социально-экономического развития и переход к устойчивому экономическому росту, стабилизация реальных доходов населения и формирование тенденции к снижению уровня безработицы,
- 2) 2004–2010 гг. — устойчивый рост экономики, стабилизация численности населения, последовательное повышение уровня и качества жизни населения, снижение безработицы,
- 3) 2011–2015 гг. — устойчивое сбалансированное социально-экономическое развитие, определяемое потребностями и возможностями народного хозяйства.

Таблица 4

Основные показатели реализации государственной политики в регионах, полностью отнесённых к Арктической зоне России, 2000 г., 2003 г., 2010 г., 2015 г. ²⁸

Регион	Среднедушевые денежные доходы населения, % от среднего по РФ уровня				Уровень безработицы, %			
	2000	2003	2010	2015	2000	2003	2010	2015
Ненецкий автономный округ	150	275	269	233	11,0	8,7	6,6	7,9
Мурманская область	156	138	128	121	12,8	10,2	8,9	7,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	331	309	223	219	8,6	5,5	4,4	3,6
Чукотский автономный округ	207	264	198	202	10,3	4,8	4,1	4,0

Анализ показателей социального развития Арктической зоны России в 2000–2015 гг. (табл. 4) позволил сделать следующие выводы об эффективности реализации Концепции государственной поддержки экономического и социального развития арктических территорий.

На первом этапе реализации Концепции была сформирована тенденция снижения уровня безработицы, однако в 2000–2003 гг. произошло значительное снижение среднедушевых денежных доходов населения (в сравнении с общероссийским уровнем). Итогами второго этапа реализации Концепции стали снижение численности населения, сохранение тенденций снижения безработицы [23, Корчак А.Д., Корчак Е.А., с. 68–69] и среднедушевых денежных доходов населения.

В целом анализ реализации Концепции в обозначенный в этом документе период (2000–2015 гг.) свидетельствует о декларативности и неэффективности государственной политики в области социально-экономического развития арктических территорий. Арктическая зона России не достигла устойчивых темпов сбалансированного социально-экономического развития, доказательством чего стали устойчивые тенденции снижения

²⁷ Постановление Правительства РФ от 07.03.2000 г. №198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁸ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

численности населения (в 2000–2015 гг. — на 8,6%), миграционная убыль [24, Корчак Е.А., Гущина И.А., с. 78–81] и низкий уровень жизни.

Современный этап развития Арктической зоны России (с 2008 г. по настоящее время) обусловлен стратегическим планированием социально-экономического развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности России. Концептуальные основы современного этапа — Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 г., Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»» от 21.04.2014 г.

Результирующими показателями современного этапа развития Арктической зоны России в социальной сфере обозначены коэффициент естественного прироста населения (на 1000 человек), региональный децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного и 10 процентов наименее обеспеченного населения арктических регионов), доля арктического населения, имеющего постоянный доступ к отвечающему санитарно-эпидемиологическим нормам питьевому снабжению. Анализ таких показателей (табл. 5) свидетельствует о положительных изменениях в социальном развитии Арктической зоны России в 2008–2017 гг. В частности, в рассматриваемый период снизились темпы естественной убыли населения (в Ненецком и Чукотском автономных округах фиксировался естественный прирост населения); значительно снизилась степень социального расслоения населения (в Ненецком автономном округе в 1,5 раза); вырос уровень благоустройства жилья.

Таблица 5

*Показатели, характеризующие социальное развитие регионов, полностью отнесённых к Арктической зоне России, 2008 г., 2017 г.*²⁹

Регион	Коэффициент естественного прироста населения на 1 тыс. чел., ‰		Коэффициент фондов, раз		Удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом, %	
	2008	2017	2008	2017	2008	2017
Ненецкий автономный округ	3,6	6,6	23,8	15,7	36,1	64,9
Мурманская область	-1,3	-0,8	13,6	10,5	97,7	95,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	9,1	9,1	19,9	16,8	95,8	96,3
Чукотский автономный округ	2,7	3,7	13,6	14,1	90,6	91,7

Однако, на наш взгляд, такие показатели не дают целостной картины социального развития Арктической зоны России. В частности, исследование социального развития Арктической зоны России по показателю степени социального расслоения населения по

²⁹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

уровню получаемых доходов вызывает необходимость более детального анализа показателей уровня жизни. Это обусловлено тем, что в богатых нефтегазодобывающих регионах дифференциация доходов населения продуцируется диспропорциями в отраслевой структуре территориальных экономик. Объективные причины таких диспропорций связаны, во-первых, с различиями в уровне валового регионального продукта на душу населения и в структуре производства, особенно в удельном весе сырьевых отраслей. Во-вторых, — с наличием отдельных наименее конкурентоспособных отраслей обрабатывающей промышленности, а также низкооплачиваемыми секторами бюджетной сферы. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе среднемесячная заработная плата работников предприятий сферы добычи полезных ископаемых в 2,2 раза превышает среднюю заработную плату работников учреждений сферы образования (численность работников таких сфер составляет соответственно 19,7% и 7,2% от общей численности работников)³⁰. Более того, ключевыми, на наш взгляд, показателями, свидетельствующими о результативности государственной политики в сфере социального развития Арктической зоны России, являются показатели соотношения доходов населения с величиной прожиточного минимума, уровень безработицы, а также уровень бедности. Анализ таких показателей (табл. 6) свидетельствует о низкой степени эффективности государственной политики в сфере социального развития Арктической зоны России.

Таблица 6

*Показатели, характеризующие результативность государственной политики в сфере социального развития арктических регионов, полностью отнесённых к Арктической зоне России, 2008 г., 2017 г.*³¹

Регион	Уровень безработицы, %		Соотношение среднемесячных денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, раз		Уровень бедности, %	
	2008	2017	2008	2017	2008	2017
Ненецкий автономный округ	7,7	8,0	5,23	3,60	5,6	11,4
Мурманская область	7,0	7,0	3,16	3,19	13,8	12,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,7	3,2	5,99	4,70	6,2	6,5
Чукотский автономный округ	4,7	2,9	3,52	4,42	12,0	9,0

В 2008–2017 гг. в рассматриваемых регионах снизился уровень жизни населения: соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения в Ненецком автономном округе снизилось в 1,4 раза, в Ямало-Ненецком автономном округе — в 1,3 раза. Доля населения со среднедушевыми денежными доходами в Ненецком автономном округе увеличилась в 2 раза.

³⁰ Расчётные данные автора. Источник: Отчёт о научно-исследовательской работе «Социальные процессы на Севере: регулирование в условиях рынка» №3-98-2006 // Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты. 1999. 72 с.

³¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

Ситуация в сфере уровня жизни усугубляется безработицей, уровень которой превышает средний по России. В Ненецком автономном округе в 2017 г. уровень безработицы составил 8%, в Мурманской области — 7% при среднероссийском уровне в 5,2%. В среднем по рассматриваемым регионам уровень безработицы в 2017 г. составил 6,4%. В силу специфических особенностей (функциональной специфики арктических поселений) сохраняется значительная территориальная дифференциация безработицы. Так, для рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа характерен структурный территориальный дисбаланс спроса и предложения: на фоне малолюдности трудовых ресурсов в сельской местности в промышленных городских поселениях округа представлено большинство рабочих мест: уровень регистрируемой безработицы в Шурышкарском муниципальном районе (3,2%) в 3 раза превышает значение такого показателя в Тазовском районе (0,1%)³². При среднем по Республике Карелия уровне регистрируемой безработицы в 1,9% (2017 г.), в Лоухском районе он составляет 4,9%, Беломорском — 4,6%, Кемском — 3,6%³³. Критическая ситуация сложилась на рынках труда Аллаиховского и Булунского улусов Республики Саха (Якутия)³⁴: среди специфических особенностей занятости населения первого — тяжёлые условия осуществления трудовой деятельности и низкий уровень заработной платы оленеводов, второго — высокий уровень регистрируемой безработицы (15,6%).

Заключение

Для России путь в Арктику объективен и неизбежен: наряду с важнейшими факторами геополитического и транспортного значения основной социально-экономической предпосылкой освоения Арктической зоны являются природные ресурсы. Главной целью государства являлось и является сегодня ускоренное освоение природных ресурсов арктических территорий — именно на крупномасштабную добычу ресурсов здесь направлены труд и капитал. В такой модели индустриального развития на первом плане стоит ускоренное промышленное освоение потребляемых за пределами арктических территорий ресурсов, проблемы же социального развития отодвинуты на второй план. Несомненно, сегодня существует настоятельная необходимость формирования новых подходов в разработке научно-практической проблематики развития Арктической зоны России и методологии научных исследований в целях трансформации системы государственного регулирования развития арктических территорий. Выявление динамики, а также количественная оценка потерь и достижений социального пространства Арктической зоны Рос-

³² Интерактивный портал службы занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://rabota.yanao.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

³³ Интерактивный портал Управления труда и занятости Республики Карелия. URL: <https://mintrud.karelia.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

³⁴ Интерактивный портал Управления труда и занятости Республики Саха (Якутия). URL: <https://zan.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

сии — это важнейшие аспекты трансформации системы арктического государственного управления.

Анализ социального развития современных арктических территорий России в 1950–2017 гг. показал, что трансформации в долгосрочной динамике социального пространства арктических территорий России определялись интенсивностью их промышленного освоения, масштабами государственной поддержки и долгосрочными интересами национальной экономики.

Первый этап долгосрочной динамики социального пространства арктических территорий России был связан с повышением их экономической значимости в народнохозяйственном комплексе СССР. Постоянное приживающееся арктическое население в этот период формировалось за счёт миграционного притока, немаловажную роль в целенаправленности которого сыграло законодательство о северных гарантиях и компенсациях. Пик численности населения арктических территорий СССР пришёлся на 1989–1990 гг. Среди особенностей демографической ситуации в этот период стали ниже среднего по стране уровень смертности и выше среднего уровень естественного прироста. Промышленный характер освоения predetermined преобладание на арктических территориях страны городской формы расселения. Максимальным стало количество образованных городских поселений, большую часть которых составили поселения с числом жителей до 5 тыс. чел.

Второй этап долгосрочной динамики социального пространства арктических территорий России начался с кризиса, вызванного переходом советской плановой экономики на рыночные условия, что спродуцировало резкое сокращение экономической активности и актуализировало проблему снижения численности населения арктических территорий. Тенденции сокращения численности населения в этот период обозначились за счёт масштабного миграционного оттока, значительно возросла смертность населения, начала формироваться тенденция естественной убыли населения. Актуализировались проблемы безработицы и бедности населения. Наметилась тенденция роста уровня преступности.

Третий этап долгосрочной динамики социального пространства Арктической зоны России был связан с необходимостью формирования внутренних факторов экономического развития арктических территорий и достижения на этой основе их устойчивого развития. Основными взаимосвязанными целями государственной политики России в Арктике в 2000–2008 гг. стали создание условий для саморазвития арктических территорий на основе активизации деятельности местных градообразующих предприятий и рационализация структуры занятости и численности населения за счёт государственного воздействия на миграционные потоки. Однако поставленные цели не были достигнуты: арктические территории не вышли на устойчивые темпы социально-экономического развития, тенденции снижения численности населения и падения уровня жизни сохранились.

Актуальными для современного этапа социального развития Арктической зоны России остаются проблемы бедности и безработицы, свидетельствующие о низкой степени эффективности государственной политики в сфере социального развития арктических территорий России. В 2008–2017 гг. в Арктической зоне России продолжил снижаться уровень жизни населения, актуальной оставалась проблема безработицы, феномен которой относительно арктических рынков труда порождается функциональной спецификой региональных хозяйственных комплексов и деструктивными, определяемыми кризисными явлениями в национальном и глобальном уровнях экономического развития, процессами в их динамике.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00025 «Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учётом геополитических, макроэкономических, экологических, минерально-сырьевых факторов».

Литература

1. Каторин И.В. Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области) // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 28–41. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.28
2. Григорьев Г.А., Мотрук В.Д. Прогнозные ресурсы Ненецкого автономного округа как резерв наращивания добычи нефти в Северо-Западном регионе России // Нефтегазовое дело. 2007. № 1. С. 50.
3. Щипцов В.В., Иващенко В.И. Минерально-сырьевой потенциал арктических районов Республики Карелия // Труды Карельского научного центра РАН. 2018. № 2. С. 3–33. DOI: 10.17076/geo775
4. Кузнецов С.К., Тимонина Н.Н., Кузнецов Д.С. Ресурсный и стоимостной потенциал полезных ископаемых Арктической зоны Тимано-Североуральского региона // Вестник ИГ Коми НЦ УРО РАН. 2016. № 11. С. 31–39. DOI: 10.19110/2221-1381-2016-11-31-39
5. Davydova M.L., Epifanov A.Y., Sharno O.I., Vanicheva M.N. Legal and Institutional Frameworks for the Arctic Zone of the Russian Federation // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. 302 (2019). 012010. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012010
6. Dobretsov N.L., Pokhilenko N.P. Mineral resources and development in the Russian Arctic // Russian Geology and Geophysics. 2010. № 51 (1). Pp. 98–111. DOI: 10.1016/j.rgg.2009.12.009
7. Слепцов А.Н. Региональные аспекты развития российской Арктики на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. 2015. № 19. С. 115–133.
8. Корчак Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5
9. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socio-economic modernization of Russia and its Arctic regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. № 28 (1). Pp. 22–30. DOI: 10.1134/S1075700717010105
10. Samarina V., Korchak E., Skufina T., Samarin A. Factors generating social problems of the Russian Arctic's mono-towns // 2019: Actual Economy: local solutions for global challenges 2019+. 2019. Pp. 392–397.
11. Крапивин Д.С. Фондоотдача как критерий определения экономического потенциала регионов российского Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 3 (65). С. 132–139. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.132-139

12. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? // *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. 2019. № 9 (1). Special issue VI. Pp. 69–72.
13. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Redevelopment of the Russian arctic region as a subject of system study and state program- and target-oriented management: issues of methodology // *R-Economy*. 2015. № 1 (4). Pp. 515–524. DOI: 10.15826/recon.2015.4.015
14. Andreeva E.N. The Russian Arctic coastal zone management problems: past lessons and new realities // *Ocean & Coastal Management*. 1998. № 41 (2–3). Pp. 237–256. DOI: 10.1016/S0964-5691(98)00067-2
15. Khoreva O., Konchakov R., Leonard C.S., Tamitskiy A., Zaikov K.S. Attracting skilled labour to the North: Migration loss and policy implications across Russia's diverse Arctic regions // *Polar Record*. 2018. № 54 (5–6). Pp. 324–328. DOI: 10.1017/S0032247419000019
16. Лукин Ю.Ф. Статус, состав, население российской Арктики // *Арктика и Север*. 2014. № 15. С. 57–95.
17. Пешина Э.В., Захаров А.С. Арктические территории России: вызовы устойчивому экономическому развитию // *Известия УрГЭУ*. 2016. № 6 (68). С. 109–121.
18. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения российского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 181–200. DOI: 10.17223/2312461X/20/10
19. Славин С.В., Догаев Ю.М. Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научно-технического прогресса // *Проблемы Севера*. 1972. Вып. 17. С. 5–20.
20. Михайлов Е.И. Развитие Европейского Севера России в XX веке: миграционный аспект // *Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: сб. ст. Мурманск, 2005*. С. 17–26.
21. Скуфьина Т.П., Корчак Е.А., Баранов С.В. Риски, вызовы и угрозы национальной безопасности в Арктике: Монография. М.: Издательство «Научный консультант», 2018. 104 с.
22. Корнилов Г.Е. Население Ямала в XX в.: процесс формирования // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 2 (43). С. 136–142.
23. Корчак А.Д., Корчак Е.А. Рынок труда Мурманской области // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2010. № 1. С. 67–72.
24. Корчак Е.А., Гущина И.А. Миграция населения в процессах формирования и использования трудового потенциала Мурманской области // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2016. № 10. Т. 2. С. 76–83.

References

1. Katorin I.V. Formirovanie Arkticheskoy zony RF kak faktor razvitiya regiona: postanovka voprosov (na primere Arkhangel'skoy oblasti) [Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a factor of the regional development: raising questions (the case of the Arkhangelsk region)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 22–32. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.28
2. Grigor'ev G.A., Motruk V.D. Prognoznye resursy Nenetskogo avtonomnogo okruga kak rezerv narashchivaniya dobychi nefti v Severo-Zapadnom regione Rossii [Forecasted resources of the Nenets Autonomous Okrug as a reserve for increasing oil production in the North-West region of Russia]. *Neftegazovoe delo* [Oil and Gas Business], 2007, no. 1, p. 50.
3. Shchiptsov V.V., Ivashchenko V.I. Mineral'no-syr'evoy potentsial arkticheskikh rayonov Respubliki Kareliya [Mineral potential of Arctic Karelia]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN*, 2018, no. 2, pp. 3–33. DOI: 10.17076/geo775
4. Kuznetsov S.K., Timonina N.N., Kuznetsov D.S. Resursnyy i stoimostnoy potentsial poleznykh iskopaemykh Arkticheskoy zony Timano-Severoural'skogo regiona [Resource and value potential of mineral resources of Arctic zone of Timan-Northern Ural region]. *Vestnik IG Komi NC URO RAN* [Vestnik of the Institute of Geology of the Komi Science Centre UB RAS], 2016, no. 11, pp. 31–39. DOI: 10.19110/2221-1381-2016-11-31-39

5. Davydova M.L., Epifanov A.Y., Sharno O.I., Vanicheva M.N. Legal and Institutional Frameworks for the Arctic Zone of the Russian Federation. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019, 302 (2019). 012010. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012010
6. Dobretsov N.L., Pokhilenko N.P. Mineral resources and development in the Russian Arctic Author links open overlay panel. *Russian Geology and Geophysics*, 2010, no. 51 (1), pp. 98–111. DOI: 10.1016/j.rgg.2009.12.009
7. Sleptsov A.N. Regional'nye aspekty razvitiya rossiyskoy Arktiki na primere Respubliki Sakha (Yakutiya) [Russian Arctic regional development aspects by the example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 19, pp. 115–133.
8. Korchak E.A. Rol' trudovogo potentsiala v ustoychivom razvitii Arkticheskoy zony Rossii [The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 22–32. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5
9. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socio-economic modernization of Russia and its Arctic regions. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, no. 28 (1), pp. 22–30. DOI: 10.1134/S1075700717010105
10. Samarina V., Korchak E., Skufina T., Samarin A. Factors generating social problems of the Russian Arctic's mono-towns. *2019: Actual Economy: local solutions for global challenges 2019+*, 2019, pp. 392–397.
11. Krapivin D.S. Fondootdacha kak kriteriy opredeleniya ekonomicheskogo potentsiala regionov rossiyskogo Severa i Arktiki [Capital productivity as the criterion for determining the economic potential of the regions of the Russian North and the Arctic]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2019, no. 3(65), pp. 132–139. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.132-139
12. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*, 2019, no. 9 (1), special issue VI, pp. 69–72.
13. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Redevelopment of the Russian arctic region as a subject of system study and state program- and target-oriented management: issues of methodology. *R-Economy*, 2015, no. 1 (4), pp. 515–524. DOI: 10.15826/recon.2015.4.015
14. Andreeva E.N. The Russian Arctic coastal zone management problems: past lessons and new realities. *Ocean & Coastal Management*, 1998, no. 41 (2–3), pp. 237–256. DOI: 10.1016/S0964-5691(98)00067-2
15. Khoreva O., Konchakov R., Leonard C.S., Tamitskiy A., Zaikov K.S. Attracting skilled labour to the North: Migration loss and policy implications across Russia's diverse Arctic regions. *Polar Record*, 2018, no. 54 (5–6), pp. 324–328. DOI: 10.1017/S0032247419000019
16. Lukin Y.F. Status, sostav, naselenie rossiyskoy Arktiki [Status, composition, population of the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 15, pp. 57–95.
17. Peshina E.V., Zakharov A.S. Arkticheskie territorii Rossii: vyzovy ustoychivomu ekonomicheskomu razvitiyu [The Arctic Territories of Russia: Challenges to Sustainable Economic Development]. *Izvestiya UrGJeU* [Journal of New Economy], 2016, no. 6 (68), pp. 109–121.
18. Kalemeneva E.A. Smena modeley osvoeniya rossiyskogo Severa v 1950-e gg. Sluchay Komissii po problemam Severa [Models of the Soviet North development in the 1950s: the case of Commission on Issues of the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 2, pp. 181–200. DOI: 10.17223/2312461X/20/10
19. Slavin S.V., Dogaev Yu.M. Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa i problemy regional'nogo nauchno-tehnicheskogo progressa [Development of the productive forces of the North and the problems of regional scientific and technological progress]. *Problemy Severa*, 1972, no. 17, pp. 5–20.
20. Mikhaylov E.I. Razvitie Evropeyskogo Severa Rossii v XX veke: migratsionnyy aspekt [Development of the European North of Russia in the 20th century: the migration aspect]. *Living in the North: Challenging an Extreme Environment*. Murmansk, 2005, pp. 17–26.
21. Skuf'ina T.P., Korchak E.A., Baranov S.V. Riski, vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti v Arktike: monografiya [Risks, Challenges, and Threats to National Security in the Arctic]. Murmansk, Nauchnyy konsul'tant Publ., 2018, 104 p. (In Russ.)

22. Kornilov G.E. *Naselenie Jamala v XX v.: protsess formirovaniya* [Yamal population in the 20th century: process of evolution]. *Ural' skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2014, no. 2 (43), pp. 136–142.
23. Korchak A.D., Korchak E.A. Rynok truda Murmanskoy oblasti [The labor market of the Murmansk region]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2010, no. 1, pp. 67–72.
24. Korchak E.A., Gushchina I.A. Migratsiya naseleniya v protsessakh formirovaniya i ispol'zovaniya trudovogo potentsiala Murmanskoy oblasti [Migration of population in the processes of formation and use of labor potential of the Murmansk region]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2016, vol. 2, no. 10 (2), pp. 76–83.